

ПАЧЕЛА

О

Т

Н

И

К

*Хроосора
violасса*

ВИКТОР
УЛИН

18+

Виктор Улин

Пчела-плотник

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Улин В.

Пчела-плотник / В. Улин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Мужчина, родившийся в XX веке, и положивший немало усилий на создание себя, оказывается выброшенным на обочину, не находящим применения своим силам. Личность достаточно сильная, он до последних дней своей жизни пытается найти выход. А в часы и даже минуты перед запланированным уходом его настигают имена женщин, прошедших через судьбу. При сильнейшем эротизме своих воспоминаний герой ощущает небывалое единение с природой, приводящее к неожиданному финалу. © Виктор Улин 2019 г. – дизайн обложки.

© Улин В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

—	13
—	15
—	17
—	19
—	20
—	24
—	25
—	26
—	28
—	31
—	33
—	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

*Памяти эстонского писателя
Энна Ветемаа*

Красная икра пахла омерзительно.

Конечно, вряд ли стоило ожидать чего-то сверхъестественного от жестяной банки, купленной в отвратительнейшем супермаркете «Перекресток».

Впрочем, другие: «Полушка», «Пятерочка», «Лукошко» – были еще хуже, но там икры не водилось. Разумеется, ради особого случая можно было проехать в нормальный магазин типа «О'Кей», где нашлись бы не только хорошая икра в стеклянной банке, но и настоящий коньяк армянского разлива, даже с пробковой пробкой под пластмассовой крышкой. Но он не видел смысла в том, чтобы тратить на поездку силы – именно силы, деньги уже не имели значения.

Ведь для последней трапезы годилась любая икра – даже в жестяной банке без петельки для открывания – и коньяк с идиотским названием «Родной». Тем более, марка того армянского, из прошлой жизни, самого вкусного из всех, сейчас вряд ли бы вспомнилась.

Тот коньяк именовался «Арпа», «Арби» или как-то еще, но и это значения не имело.

Но икра из «Перекрестка» превзошла худшие ожидания. Едва раскрылась щель, взрезанная тупым консервным ножом, как оттуда хлынула такая вонь полугнилой заливки, что от нее можно было умереть, не прибегая к иным средствам.

И удивительным до непонятности казалось то, что до середины 70-х оставалась доступной икра волжская, черная – и зеленоватая зернистая, и асфальтовая паюсная – а вот дальневосточная красная считалась деликатесом. В детстве Юра пробовал ее всего 2 раза. С блинами, напеченными бабушкой.

Правда, та красная была вдвое, если не втрое крупнее нынешней и пахла изумительней, нежели рейкьявикская селедка в винном соусе.

Но о том не стоило вспоминать, былые времена всегда радовали неожиданностями. Например, в 1985 году город был завален варено-морожеными конечностями камчатского краба, которые Юрий ел с вареной картошкой – каждый раз накладывал себе на тарелку нынешнюю стоимость половины легкового автомобиля.

Такое повториться не могло; прошлое умерло вместе с прошлым веком.

Юрий Иванович встал с качающегося пластикового стула, оперся на стол, схватил банку и швырнул ее под гору.

Туда, где весной каждый год бушевала сакура – не просто дикая вишня, а именно сакура с розовой пеной цветов – летом посверкивали мелкие ягоды – рубиновые на вид и лимонные на вкус – а сейчас, ближе к осени, остались лишь волны темной мелколиственной зелени.

Еще несколько... – точнее, 5 лет назад – Андрианов ни за что, ни в каком состоянии души и тела не бросил бы на тот заросший склон полувскрытую консервную банку. Да что там «пять», еще позапрошлой весной он ходил там с пластиковым мешком, тщательно выбирая мусор, нанесенный за зиму.

Ведь тогда он еще помнил, для каких целей любил туда спускаться.

Дача Андриановская только именовалась дачей, а на самом деле была маленьким – на 3 «сотки» – участком в огромном садовом товариществе. Сам он приезжал сюда лишь отдыхать, как белый человек, а соседи, обычные навозные жуки, целыми днями ковырялись на своих грядках слева и справа, бродили туда-сюда по общей дорожке сверху. И постоянно смотрели, что делается на живописно запущенном островке, откуда неслись то песни под гитару, то классические хоралы, то женский смех, то звон хрустальных рюмок.

И снова дрожащий женский смех.

Заборов ставить не разрешалось и потому все касавшееся большинства женщин могло ограничиваться лишь смехом, если бы не удачное расположение этого места. Сектор участков был крайним, лежал существенно ниже общего проезда, спускался еще ниже слоистыми террасами и выходил на крутой склон, примыкающий к зоне отчуждения железной дороги.

Этот склон был ничейным, то есть неофициально находился в пользовании тех, под чьими участками лежал, но за площадь эту никто никогда не платил.

Все соседи еще 1 000 лет назад, при рождении кооператива, очистили свои ломтики от деревьев, выдрали кусты и распахали под картошку, среди которой каждое лето сверкали задницами, выбирая колорадских жуков из пыльной ботвы.

Казалось, смрадный запах их немых тел в такие дни слоился пластами над всей Землей.

Андриановские же предки, страсти к огородничеству лишенные, не выкорчевывали дубков, не вырезали ольхи, не сводили траву, а дали всему расти, как росло до прихода цивилизации. В результате под убогим участком возник кусочек настоящего леса, посреди которого осталось открытое место, заполненной низкорослой сакурой. Ее Юрий Иванович регулярно поливал.

Кривые участки товарищества, раскинутого тут по причине непригодности земли для иных целей, облепляли сухую меловую гору. Вода лежала черт знает на каких глубинах; скважину даже в нынешние времена всемогущей техники не сумел пробурить самый деятельный из соседей – отставной полицейский полковник. Снабжение водой шло централизованно – через общую магистраль из огромной цистерны, наполнявшейся насосом из реки, которая текла за железной дорогой. Стоило пустить воду сверху вниз, как давление в сети падало и грязным садоводам не хватало напора для огурцов или помидор – которые все они, по-крестьянски замыкая цикл, удобряли собственными экскрементами.

К Андрианову приходили ругаться – он всех посылал: кого мысленно, кого вслух. И продолжал холить и лелеять свою сакуру.

Когда он приезжал сюда не с компанией, а с кем-нибудь вдвоем, то после определенного градуса спускался под гору. Там, под прикрытием деревьев с трех сторон и садового домика сверху, можно было играть с гостей, развесить на ветках ее белье, ходить босиком по душистым зарослям чабреца.

И кормить друг друга из губ в губы ароматными, горячими ягодами дикой земляники, что росла на солнечных травяных пригорках.

А потом, набегавшись голышом, снова одеть партнершу. Застегнуть ее бюстгальтер на оба крючка, чтобы через 5 минут все снова снять и раскидать, только не по кустам, по стульям. Но сначала вскарабкаться наверх: не спеша, никуда не торопясь, подталкивая чьи-нибудь прохладные ягодицы, высывающиеся из-под коротких шорт...

Все так и было, бывало еще и не так.

Юрий Иванович поморщился.

Он приехал сюда посидеть в одиночестве, тихо выпить и подумать о жизни. Но мысли текли как-то неизящно, спотыкливо. А самое главное – не в том направлении. Вместо дум монументальных, мощных, печальных и звучных, соответствующих запланированной патетике момента, вспомнились чьи-то ягодицы.

Торчащие из шорт, украшенные родинками, белые с еще более белой тенью от трусиков, которые лежали в его кармане свернутыми, потому что надевать еще и их он не видел смысла.

Андрианов повернул бутылку на месте, сдвинул в сторону; на сером пластике стола остался черный след – при своей предугаданной ясности коньяк «Родной» все-таки не был кустарно подделанным, а сошел с конвейерной ленты.

Наверное, в такие часы человек должен был вспоминать свою жизнь, ее опорные точки и поворотные моменты. Ощутить в себе линию судьбы и фундамент всего происходившего. У

нормального человека таковыми могли быть достижения личной жизни, успехи в профессии, которая вела вперед и вверх.

Фундамента под собой Юрий Иванович уже давно не ощущал.

Личной жизни, под которой у успешного мужчины традиционно подразумевались прочная семья, дети, а в его возрасте – и внуки, у него не было.

Ну то есть, конечно, была когда-то семья, даже дочь; скорее всего, и внуки тоже где-то уже существовали. Но все это ушло из его жизни давным-давно, отдалилось, не успев стать частью той самой жизни и сейчас казалось вовсе несуществующим.

Об успехах в профессии тоже говорить не приходилось; профессия когда-то была, а успехов – нет. Да и профессия сама как-то растворилась в суетах хлопотливых дней, сейчас казалось, что не было и ее.

Не будучи истинным неудачником, время от времени он имел вспышки, но в целом судьба его оказалась именно цепочкой неудач.

И если бы жизнь Андрианова колыхалась лишь на 2 этих поплавках, традиционно считающихся важнейшими, он бы уже давно пошел ко дну. Держали его другие.

И в общем совсем не те, на которых держалось большинство мужчин.

Он был равнодушен ко всем без исключения видам спорта, никогда не был на рыбалке или в походе – хотя в ранней молодости не без удовольствия ездил на летние сельхозработы – не имел никаких увлечений, кроме самых естественных.

Больше всего на свете Юрий Иванович любил поесть. Не «*есть*», а именно «*поесть*», людей, утверждающих, что «*надо есть, чтобы жить*», он не считал людьми – Юрий Иванович основное время своей жизни жил, чтобы есть. И сохранил до сего дня благородную стройность лишь потому, что жизнь никогда не давала ему возможности есть то и столько, сколько хотелось, а желания его всегда простирались выше небес.

Впрочем, в последнее время желания угасли, вместе с ними стала окончательно угасать и сама жизнь.

Кроме главной сущности, остававшейся неизменной всегда, были еще 3, менявшие порядок приоритетов на протяжении долгих лет.

Женщины, автомобили, алкоголь.

Автомобили, женщины, алкоголь.

Алкоголь, автомобили, женщины.

Алкоголь имел широкий диапазон: от водки через коньяк, джин и текилу до виски и даже пива. Автомобили...

Автомобили заслуживали чего-то более детального.

А женщины...

Сейчас эти три поплавка тоже лопнули, он в самом деле стоял на дне и лишь немалый рост позволял до сих пор не захлебнуться окончательно.

Но женщины все-таки еще оставили какой-то отблеск, до сих пор не угасший.

Юрий Иванович подумал, что не вспоминать их не может. Хотя, опять-таки в трезвом еще состоянии, память не обострилась до нужной степени, не выбросила на поверхность имя той, чьи ягодицы он сейчас вспомнил.

Пока, зажмурившись, еще раз увидел эти части тела. Родинка, размером с ноготь указательного пальца, была на правом бедре, но видна она становилась только в состоянии «*без шорт*». Равно как лишь тогда становилось видным, что бедра украшены двумя уровнями теней. Верхняя была снежно-белой, от купальных трусиков – розовых в желтых, бордовых и зеленых цветах и с завязками по бокам. Средняя – чуть более темная, от этих самых шорт. Которые были светло-оливкового цвета, простыми, без карманов и планок, с молнией на «*женскую*» сторону, слегка заедающую при расстегивании...

Андрианов открыл глаза, потряс головой, стараясь не вспоминать еще и белый топик и белый бюстгальтер со слишком широкими силиконовыми бретельками.

Хотя гардеробные эти воспоминания были самыми безобидными.

Иные детали, касающиеся его женщин и его самого со своими женщинами, сейчас вызывали стыд.

А все вместе нагоняли тоску.

Страшную, смертную точку – от которой не хотелось ни есть, ни пить, ни вспоминать; не хотелось даже жить.

Ведь то происходило не просто в прошлой жизни, а не с ним.

С кем-то другим, не с Юрием Ивановичем Андриановым, приехавшим сюда отметить свой очередной и последний день рождения.

И дело было не в том, что ему исполнялось 59 лет, что стало не под силу спускаться по склону и подниматься обратно. Иные и в 79 бегали бы с той же целью.

Сама цель потеряла смысл.

Все, абсолютно все у него осталось в прошлом – он сам уже давно был в прошлом... точнее, из прошлого выглядывала какая-то его последняя, еще не ушедшая в небытие частица.

Потому полуоткрытая банка с несъедобной икрой могла спокойно лежать на песчаной дорожке между низкими кустиками сакуры – там, куда он смог ее забросить, не размахнувшись.

Просто подняв руку и выпустив банку, не успев испачкаться вонючей жижицей.

Постаравшись, он бы легко докинул ее до дальних деревьев – где, погремев среди веток, банка провалилась бы дальше и стукнула около низкой насыпи. Или даже между шпал. А, может, перелетела через пути и упала за ними.

Более того, в нынешнем состоянии, выразив отношение к окружающему миру, он должен был вложить всю свою силу в этот злобный бросок, отправить банку еще дальше – на луг, за луг в речку, через речку, в развалы синеющих гор, к чертовой матери, на тот свет...

Но Андрианов не вместил, не вложил, не отправил; в нем не осталось даже злобы на жизнь, не осталось вообще ничего, кроме усталости – тупой, как шутка из голливудской комедии.

Банка лежала там, где еще 5 лет назад он карабкался вверх – из древнегреческого рая зарослей в древнеримский рай старого дома.

Этот дом когда-то давно строил дед Андрианова. Человек поистине уникальный в противоречиях своих жизненных занятий и возможностей со своими же жизненными интересами.

Партийный работник союзного масштаба, пивший в 1932 году с самим Сергеем Мироновичем Кировым – и перепивший его в лоск по причине тогдашней молодости – с началом войны он был направлен из Ленинграда в этот провинциальный, как улыбка пермяка, приуральский город начальником эшелона, которым эвакуировался один военный завод. На новом месте не просто освоился, а стал во главе города-спутника, где был развернут, тоже эвакуированный, только из Рыбинска, важнейший в стратегическом масштабе «завод №28» – авиамоторный, производивший двигатели для наиболее массовых самолетов второй мировой войны, штурмовиков «Ил» и истребителей «Як». Этот завод, вопросы энергоснабжения которого Андриановский дед всю войну почти ежедневно решал по секретной телефонной связи «ВЧ» с самим Лаврентием Павловичем Берия, не просто помог выиграть войну. Он практически создал сам нынешний город, к которому была позже присоединена промышленная северная часть, да и вообще остался единственным работающим промышленным предприятием даже в 1-й декаде 21-го века, до сих пор производя двигатели для «Су-26», исправно продаваемых всяческим индусам. Масштабы дедовых возможностей были безграничны, иной человек на его месте обеспечил бы и дочь, и внука Юру, и внуков внуков своего внука всеми благами на 100 лет вперед. Но дед был чужд даже капли меркантильности, он не искал минимума личных благ. Из служебных своих возможностей он использовал лишь возможность во время

поездки в Москву на сессии Верховного Совета РСФСР всласть накричаться с трибуны ипподрома вдвоем с маршалом Рокоссовским, а в обычное время – просто выпить. Выпить водки из стакана, коньяку – хоть из блюдца, если стакана не было под рукой. Каким-то чудом – скорее всего, по недосмотру распределяющих – он получил большую 4-комнатную квартиру в 1-м «*послесталинском*» доме на улице Ленина, и на этом его хозяйственные подвиги во благо семьи завершились.

Великий дед Андрианова всю жизнь работал не перспективу общества, а о своих перспективах не думал, живя одним днем. Хотя, возможно, и на то и на то у него просто не хватало душевных сил или внутренней энергии.

После войны он так и не вернулся в Ленинград, а дачу эту, убогий садовый домик, строил уже выйдя на пенсию, собирая материалы едва ли не с помоек.

Дом этот, несуразный и кривой, слеplенный как будто из разных, не имеющих отношения друг к другу, кирпичных и фанерных коробок, уже на памяти Андрианова ремонтировали и перестраивали, но лучше не сделали.

Вступив в полноправное владение этим участком, данным беспечному деду еще и на неудобнейшем из всех, самом крутом месте горы, Юрий Иванович приспособил для своих нужд самую уютную – то есть единственной среди двух имевшую чугунную «*буржуйку*» с дымоходом из гофры – комнату. Оборудовал в ней огромное и в самом деле удобное, почти от стены до стены, ложе любви.

Именно к нему всегда и лежал путь из сакуры вверх.

Путь из сакуры вверх, который, возможно, оказался путем вниз.

Юрий Иванович еще раз без нужды переставил бутылку с места на место. Коньяк весело колыхнулся в стекле.

По дорожке, давно забывшей следы чьих-то босых ног, уже расползлась вонючая оранжевая лужица, не сразу впитываясь в желтый песок.

Впрочем, и оранжевый цвет жидкости и желтизну песка Андрианов не видел, лишь представлял. Пластиковые линзы очков были донельзя исцарапаны – а зрение, с детства неважное, теперь упало почти до нуля. Весь мир ограничился небольшим кружком в правом поле зрения, цветовые пятна там расплывалось и наползали друг на друга. Про левый глаз, практически ослепший, лучше было не говорить.

Юрий Иванович постарался не думать о том, чего не видел. Его грызла досада.

Досада по пропащей икре. Точнее, по упущенной возможности хорошо закусить последний в жизни коньяк. Но и коньяк из «*Перекрестка*» наверняка был гадостным, хорошая икра не только бы его не спасла, но и сама прошла бы без вкуса.

Зато выпивка без закуски должна была сильнее ударить в голову и помочь выполнению задуманного.

Не стоило не только жалеть об икре, но даже и смотреть на нее.

Андрианов опустил на шаткий стул, некую общепитовскую пародию на классическое «*вольтеровское*» кресло, положил перед собой руки.

Поморщившись, вспомнил, как радовался в 2004 году, раздобыв этот комплект для кафе, с отверстием в столешнице для стойки какого-нибудь рекламного зонтика: в те времена такая мебель не была общедоступной.

Когда-то белый, стол давно сделался грязно-серым из-за сетки наложившихся царапин. Он принадлежал к разряду тех, за которыми пьют пиво и жуют шашлыки беспечно счастливые люди, заглянувшие под сень музыки в летнее кафе.

1000 раз за эти годы его выносили из дома и ставили на террасу, 1000 раз сидел за ним Юрий Иванович – с шашлыками, пивом и всем более крепким, в компании тех, кто в счастливые времена именовал себя его друзьями.

Сидел – обычно за икрой, шампанским, коньяком и вечными, как Парфенон, конфетами «Раффаэлло» – вдвоем с женщиной.

Одной из тех, с которыми спускался под гору перед подъемом в дом.

С одной из них, после расставания с женой скрашивавшими саму его жизнь целых 13 лет.

Но даже чьи имена с ему не хотелось вспоминать; они гнали внутрь все более тяжелую тоску, замешанную на неловкости пожилого человека, вдруг осознавшего, что всю свою сознательную жизнь он промахал... уж точно – не рукой.

Терраса, вымощенная огромными тонкими плитами из плохого бетона, съехала на сторону от медленно текущих оползней грунта, стол расшатался и перекосялся, заглушка центральной дырки, не нужной в быту, давно потерялась.

Но сейчас он казался гладким и почти новым, потому что даже руки свои Юрий Иванович различал в деталях не дальше локтей.

Он отвинтил отвратительную жестяную крышку, достойную водки самой дешевой категории, а не настоящего на дубовой коре виноградного спирта, плеснул себе ненатурально красного коньяка.

Коньяк вполне мог быть красным; именно таким и бывала в последнюю декаду прошлого века популярная греческая «Метакса», которая находилась в любом винном магазине.

От «родного» же коньяка любой грек умер бы, лишь его понюхав.

Но выбирать было не из чего, Андрианов налил себе полную рюмку. Хорошую, широкую, классическую коньячную рюмку: низкую и с круглым доньшком.

Эту рюмку 100... – точнее, 26 лет назад – подарил на день рождения его друг из прошлой жизни.

Не просто той, что лишь относительно недавно ушла навсегда, а из самой ранней – ушедшей очень давно. В прошлом веке, в прошлой эпохе.

Из жизни при нормальной семье, с женой и надеждами на что-то впереди. Ведь надежды-то были, и нешуточные; женился Юрий Иванович... тогда еще без отчества и даже без «и кратко» на конце...

Женился молодой специалист Юра Андрианов по очень большой любви.

В первый и последний раз. С уверенностью, что его случай типически отличается от всех подобных, в законном браке со своей почти первой женщиной Наташей он проживет сто лет и, исполняя завет автора «Алых парусов», умрет в один с нею день.

Если бы честному и беспорочному молодому человеку намекнули на то, как будут использованы заросли сакуры через 7 лет, он бы даже не возмутился, рассмеялся в лицо предсказателю.

А если б предрекли нечто более радикальное...

Если бы объяснили, что именно, как и когда будут проделывать с ним некоторые представительницы пола, который русские классики рисовали нежным, светлым и имманентно непорочным – вроде вечной Наташи Ростовской на 1-м балу – добропорядочный Юра сказал бы, что повествователь пересмотрелся порнографии самого низкого пошиба... Хотя в те годы не видел никакой порнографии вообще.

Тогда все виделось чистым и неизменным на весь остаток лет, которых оставалось много.

Увы. Паруса бывали алыми только в романтических сказках, не имевших ничего общего с жизнью реальных людей.

Реальными оказались плохой коньяк в бутылке, и в голове – толпящиеся мысли о женщинах, которые не хотелось выпускать.

Рюмки – 6 штук в белой картонной коробке, разделенной крест-накрест перегородками – были хрустальными. Бороздки украшали их крутые гладкие бока. Само стекло было качественным: облучение кварцевой лампой, имевшейся в обиходе для лечения всех болезней, вызывало плотное фиолетовое свечение, говорящее о достаточном содержании свинца – но исполнение оказалось аховым. Скорее всего, изделия относились ко 2-му сорту, иных в позд-

незастойные времена не могло появиться в убогом магазине «Хрусталь» их провинциального города: бороздки были прорезаны вкривь и вкось, а в одном месте – даже насквозь. Причем, словно в насмешку, бракованная рюмка при сервировке попала к ее непьющему дарителю, чем вызвала общий смех беззаботной компании, сидевшей за круглым дубовым столом, покрытым белой крахмальной скатертью, в его 4-комнатной родительской квартире с потолками в 3 метра...

Бракованное изделие Юра обменял на следующий день: друг сунул чек в карман, но выкинуть не успел – скатерть давно истрепалась, стол был продан, квартира была разменяна, оставшаяся часть бесследно сгинула в перипетиях бизнеса.

Жена же...

Молодая, высокая и самодостаточная Наташа – о ней не хотелось вспоминать.

А вот рюмки сохранились.

Причем полным комплектом.

Подражая англичанам, обедавшим с хрусталем при крахмальных салфетках на столовом серебре и среди песков Египта и в джунглях Индии, Андрианов привез их сюда, использовал всякий раз по любому случаю. Но даже за многие годы здешний распитий не удалось разбить ни одной.

И было естественным достать такую на свой одинокий день рождения.

Он поднял рюмку и, задержав дыхание, чтоб не слышать запах дешевого коньяка, опрокинул в себя жгучую жидкость.

Поперхнулся до слез, проглотил с трудом и опять посетовал, что икра оказалась несъедобной. Ведь он, по жизни не любя намазывать бутерброды и собиравшись черпать ее чайной ложкой, даже не прихватил какого-нибудь хлеба на закуску.

Наверное, стоило с икрой прихватить еще банку каперсов: при полной несовместимости с коньяком, их острый вкус забил бы отвратительный спиртовый вкус этого родного пойла. Но о том смешным казалось даже думать; искать их в «Перекрестке» было бы все равно что требовать презервативы в аптеке Ватикана. И даже альтернативные плоды: зеленые оливки и черные маслины – убогий магазин предлагал в прозрачных консервах, на которые не хотелось смотреть.

Правда, на кривоватой яблоне, единственной уцелевшей от родительских забот, краснели созревающие плоды. Но Андрианов яблок не любил и никогда не ел, разве что баловался незрелыми плодами в раннем детстве.

«В раннем детстве»...

Кажется, Юрий Иванович подумал так громко, что слова можно было услышать.

Но услышать их не мог никто; стоял понедельник, день отдыха соседей-навозников. Начало недели тут отмечалось отсутствием воды для полива: насос отдыхал, общая цистерна мгновенно пустела, а индивидуальные бочки были украдены у всех поголовно минувшей зимой. Очередной страшной зимой страшного 21-го века, когда сдатчикам металлолома уже не хватало медных троллей, каждую ночь срезаемых в городе.

Правда, сейчас прошло время поливать, настало время собирать – но кругом все-таки было пусто.

Андрианов налил 2-ю рюмку и, прислушиваясь к ощущениям первого хмеля, поднял голову к старой черемухе, что росла у края террасы.

Черемуха он помнил с детства; она вымахала невесту как на его глазах и состарилась вместе с ним. Состарилась не как дерево, а как человек – полностью, безнадежно и необратимо.

О том говорили напоминающие гнилой горох стручки, что свисали с ветвей вместо полновесных антрацитовых ягод.

И какая-то отвратительная шелуха, сыпавшаяся на покосившиеся бетонные плиты.

Мысли о старости и о давно умершем детстве сорвали ненужные, жалкие в своей тупиковости воспоминания.

Детство было долгим и разным.

Одним из самых ярких воспоминаний остался день 12-го апреля 1961 года. Когда он, маленький светлолицый мальчик Юра Андрианов в возрасте 1 года 6 месяцев и 21 дня, шел с дедушкой по улице, а прохожие показывали на него пальцами и кричали, что

вот – идет космонавт Юрий Гагарин!

Не только потому, что на Юре переливался серый комбинезончик, привезенный отцом из Москвы – он сам сиял улыбкой.

Улыбкой счастливого неведения, столь естественной для глубокого детства и пропадающей уже в юности.

Все происходило на улице Достоевского, до 1917 года именовавшейся Тюремной, а после переименованной потому, что великий русский писатель сидел в той самой пересыльной тюрьме, следуя к месту заключения в далекий Омск. И шли они мимо старой школы №39, в которой он потом учился и которая осталась не прежнем месте, только теперь называлась «гимназией».

Если говорить честно, того дня Андрианов всерьез не помнил – осталось нечто смутное, подкрепленное старой фотографией из детского альбома да реальной памятью комбинезона, из которого он вырос не сразу и еще некоторое время осознанно носил как «космонавтский».

Гораздо позже стало ясным, что в те годы людьми владела странная эйфория: казалось, будто полет Гагарина в космос означает поворот в судьбах всего человечества.

И когда эстонец Георг Отс пел по радио своим просторным голосом, взлетая до небес в восхитительном мажоре:

– Заправлены в планшеты космические карты и штурман уточняет последний раз маршрут...

– то все ждали, что вот-вот нечто изменится к лучшему.

Все сразу и для всех.

Что-то в самом деле менялось; даже на пыльных дорожках Луны чьи-то следы остались – только вот ни к чему хорошему это не привело.

Точнее, привело к улучшениям для горстки и ухудшениям для всех.

Но тогда того никто не знал; весь мир праздновал головокружительный успех Советского Союза и детской подсознательной памятью Андрианов запомнил атмосферу тех дней.

А еще сильнее осталась испытанная гордость от того, что его зовут *Юрием* – хоть и почти сразу омраченная отчеством: он оказался не Алексеевичем, а всего лишь Ивановичем.

Тем более, что в той самой школе, нынешней гиперкультурной гимназии №39, в 4-м или пятом классе, когда вчерашним детям открылась прелесть полных инициалов, его доканывали поговоркой:

«Юрий Иванович, снимай штаны на ночь!»

И что-то еще было из этого детства...

Что-то связанное с садом и пришедшее согласно моменту.

Хотя именно с садом до определенного этапа в его жизни было связано почти все.

Пчела...

Пчела.

Пчела-плотник – большая, иссиня фиолетовая.

Прилетавшая невесть откуда время от времени. Не жужжавшая, а гудевшая ни с чем не сравнимым низким гудом и летавшая медленно над цветущей маленькой полянкой за домом.

Медленно-медленно, сознавая собственное достоинство и зная, что ее бояться все.

Хотя, возможно, бояться и не стоило.

Почему вспомнилась эта пчела-плотник?

Андрианов прислушался.

Конечно потому, что она опять тихонько гудела где-то неподалеку.

Не та, конечно – какой-то потомок фиолетовых пчел его детства в невообразимом по человеческим меркам колене. Но эти десятки и сотни пчелиных колен всегда жили неподалеку. Равно как собирались жить и после того, как он тут жить не будет. Как не будет жить нигде вообще.

А им предстояло жить и приумножаться в облюбованной кем-то из первых предков, найденной 1000 лет назад уютной сухой расщелине мелового обрыва. Ведь до сих пор оставался нетронутым отвесный склон над железнодорожной дорогой за ржавым сетчатым забором их садового анклава.

Или эти огромные, страшные на вид пчелы размером с маленькую сливу жили не в норах, а в прогрызенных древесных стволах: ведь именовались они не шахтерами или каменщиками, а именно плотниками?

Юрий Иванович потер переносицу.

Оглянулся вокруг себя – просто так, прекрасно зная, что не увидит ничего, меньшего коньячной рюмки, на расстоянии свыше 3 метров.

Оставалось радоваться лишь тому, что рюмка стояла перед глазами, полная до краев.

Он заворочался в шатком стуле-кресле, задел коленом столь же шаткую ножку стола – коньяк вздрогнул, на красной поверхности вспыхнула стоячая волна.

Отвлечшись от происходящего, Андрианов вспомнил, как про такую волну ему еще в прошлом веке рассказывал бывший одноклассник, физик по специальности. И приводил пример – точнее, вспомнил волну при обсуждении одного реального явления.

Феномена поведения женских молочных желез в положении *«лежа на спине»*, которые при определенном сочетании параметров: соотношения массы тела и его компонент, углов наклона и атаки, частоты и амплитуды возбуждающих воздействий – начинали колебаться в соответствии со всеми законами волновой физики. Тела их якобы мелко дрожали, а центры вращались по кругам малого радиуса, всегда во встречных направлениях.

Юра слушал заворожено; друг был счастливым практиком, сам он еще витал в томительных дебрях теории. Потом, конечно и Юрий, и тем более Юрий Иванович дали реванш – но за всю жизнь явления ни одному из них наблюдать не удалось. Видимо, физик работал интенсивнее.

Правда, позже Андрианов все это видел в интернетских роликах из разряда «XXX» и усомнился, правильно ли аттестовал бюстовые колебания одноклассник, еще в школе перебивавшийся с двойки на тройку. Но это не имело важности.

Важным осталось лишь то, что волна самого Юрия Ивановича сейчас уже не под каким углом зрения не могла показаться стоячей.

Он вздохнул, опять сетуя на себя за мысли о женщинах, настигающие в решающий день.

Посмотрел вдаль – за черемухой вдоль дома шла узкая терраса, под которой волновались давно отцветшие кусты мелких садовых роз.

Эту террасу Андрианов облагораживал сам.

Пытался облагородить, убоявшись в пьяном виде свалиться однажды с края и лететь кубарем: через розы и нервные заросли прожилковатой кремовой белены, по сакуре и чабрецовым кочкам, сквозь ольховые кусты между березовых стволов – до самой железной дороги.

Но заряда хватило лишь на то, чтобы замостить ее мелкой тротуарной плиткой турецкого образца, которая сейчас перекосилась, вспученная прорастающими кустиками тимopheевки и ветками берез. Двухметровый обрыв так и остался неогороженным, не считая толстого провода, натянутого между стойками из ржавых труб наподобие флотского леера.

Правда, провод был идеален для сушки любых вещей: от отсыревших за ночь одеял до залитых шампанским и промытых из шланга бюстгальтеров.

А однажды там, словно флаги расцвечивания, полоскался на ветру длинный ряд разноцветных женских трусиков...

Сейчас на леере ничего не висело – Андрианов того не видел, но знал.

А пчела-плотник гудела и гудела, это была именно она. Ошибаться он не мог.

Увлекавшись биологией, школьник Юра когда-то знал почти все о почти всех живых существах, наполнявших его жизнь.

И до сих пор помнил латинское название этой пчелы – *Xylocopa violacea* – хотя, конечно, не помнил, что эти слова означают.

Ведь биологом Юра не стал. Жизнь его после школы круто поменяла курс, а потом – необозримая в начале – стала уменьшаться, как чертова шагреновая кожа из черт знает какого рассказа черт знает кого из писателей...

Андрианов передвинул полную рюмку туда и сюда по шероховатому столу.

Если в голову полезли мысли о шагреновой коже – то гадостный коньяк из «Перекрестка» начал действовать. И его уже объял первый хмель.

«Первый хмель – еще невинный, как поцелуй девочки, но уже обещающий, как женское декольте.»

Так однажды подумал десятиклассник Юра Андрианов, будущий золотой медалист и интеллигент в «пчелином» поколении с отцовской стороны.

Подумал, сформулировал мысль, нашел точные выражения и зафиксировал в своей книжке. Точнее, в старом, доставшемся от мамы блокноте 50-х годов – имевшем тисненую кожаную обложку темно-зеленого цвета с золотыми узорами скандинавского стиля и крашеный красным обрез.

Тогда он был увлечен музыкой слов и постоянно записывал все новые образы. Обычно они приходили к нему по наитию, без рожденной опытом осознанности.

Приходили порой даже в зрелом возрасте. Например, уже в 21-м веке, будучи в одной из командировок, Юрий Иванович мысленно сравнил еще живой ресторан «Прага» с носом линкора, обводами которого служили расходящиеся Арбаты, Старый и Новый.

А эпохальную фразу про хмель он сочинил, впервые попробовав шампанское «брют» – дома, на мамином дне рождения. Именно такую, хотя еще не попробовал даже одного поцелуя девочки и весьма смутно представляя, что именно может обещать женское декольте. Съезжая к белому плечу соседки по подъезду, оно показывало ему лишь черную бретельку бюстгалтера. Впрочем и этого слова Юра тогда еще не знал, думал просто «лямка». Но думал часто, встречая ее на лестнице – особенно если он спускался сверху, только что выйдя из прохладной квартиры а она, нырнув сюда с жаркой улицы, поднималась навстречу, обдавая его запахом своих подмышек.

Гражданам СССР дезодоранты были неизвестны и летом женщины пахли женщинами, а не зеленым чаем.

Женскую грудь он впервые осознал как объект вожделения в 6-м классе, 1 сентября 1971 года – когда, вернувшись с каникул, увидел неожиданные выпуклости на передней части тела одноклассницы Розы. Эта энергичная девчонка славилась своим неукротимым характером, имевшим как следствие потасовки, где доставалось всем сторонам поровну. Роза, вчерашняя бесполоая хулиганка, за одно лето обзавелась признаками взрослой женщины и стала куда более заманчивой, чем Лида, минимальной длиной коричневого платья демонстрировавшая всем желающим плотную часть своих сияющих капроновых колготок, которые начала носить первой из девочек класса. И той осенью, неожиданно для себя, во время драки портфелями Юра схватил Розу за грудь. В ответ он тут же получил удар по голове учебником ботаники – отпечатанным в ГДР, имевшим жесткий клееный блок и острые углы обложки – девчоночьи грудки отпустил мгновенно, но успел запомнить горячую мягкость и манящую податливость. А еще больше – внезапный удар в нижнюю часть живота и странную реакцию своего органа, предназначение которого с младенчества, было совершенно другим. Все это через несколько дней привело к ситуации, считавшейся в те годы постыдной, после которой он знал, какие ощущения испытывает мужчина от близости с женщиной. Хотя, разумеется, понятия не имел, в чем эта «близость» заключается.

Освещенная осязательным восприятием, женская грудь стала для Юры вожделенной.

Вслед за Розой начали радовать молочными железами и другие девчонки. Причем, находясь в заблуждениях о вредности постоянного ношения бюстгалтера при невероятной скудости «корсетных изделий» даже для взрослых, они радовали деталями, проступающими сквозь трико на физкультуре.

Детали волновали всерьез; позже Юрий Иванович осознал, что эти нескромные «глаза тела» служат главной чертой всего женского облика.

Стоило ли говорить, как хотелось видеть их реально в годы, когда все связанное с созревающими девчонками было не просто главным, а единственно важным в его жизни!

Но дальше нескромного подсматривания на глазах у всех эротическое самообразование мальчика Юры не продвинулось.

Семья его была чересчур приличной, на улицу он почти не ходил, с дворовыми мальчишками не дружил. А когда самый развратный в классе мальчишка – сын прокурора города и нынешний полковник ФСБ – однажды принес в школу колоду порнографических игральные карт кустарного производства, то Юре стало плохо от одного взгляда на образец, мелькнувший под партой. Хотя на мутном черно-белом снимке дама червей ни с кем не совокуплялась и даже не раскрывала органов, а всего лишь показывала обнаженную грудь.

Да и позже, уже зная теоретически обещания декольте, он оставался невежественным дольше всех возможных пределов.

Исследовав уже в 24 года одной рукой тело той Наташи – еще не женщины, не жены и даже не невесты! – и потом спустив до пояса летнее платье в желтый цветочек, Юра был обескуражен: увиденное не согласовалось с самим собой. И лишь когда будущая избранница, усмехнувшись, проделала двумя пальцами со своей правой половиной то, что он творил с левой, стала ясной восхитительная изменчивость этих лучших на свете нежнейших частей. Но и потом он долго оставался в заблуждениях относительно реакции женского тела на мужские руки.

Лишь связь с 40-с-чем-то-летней белокурой Тамарой открыла глаза полностью; все ее части реагировали мгновенно, на один его серьезный поцелуй.

—

Юрий Иванович вздрогнул, ничего не услышав и не ощутив, а просто поняв, что все-таки начал пьянеть. Иначе к нему бы на стали приходить не только воспоминания о женщинах, но и их имена.

Хотя, наверное, только полный эмоциональный урод, бесчувственный, как березовый пенёк, мог забыть имя своей 1-й женщины.

А Тамара оказалась первой познанной, Наташа была лишь первой увиденной, познал он ее 3-й из всех.

Андреанов посмотрел на свои пальцы, прикидывая, сможет ли на них что-то посчитать. Действовать следовало в уме; глаза оказались не в состоянии что-то фиксировать, контуры расплывались и двоились.

Тамара была 1-й, он познакомился с нею во время недолгой ссоры с Наташей, поддался ее осторожному натиску и неожиданно для себя самого стал мужчиной.

Причем сделала все это женщина, бывшая старше его 20-ю годами, так умело и правильно, что он потом так и хранил уверенность в главной силе, позволившей шагнуть дальше.

Юрий Иванович вздохнул, пытаясь представить счастливейшие минуты того важнейшего дня жизни сейчас – когда он, старый и полуживой, всеми забытый, сидел на разваливающейся террасе, а Тамары, скорее всего, уже и не было на том свете.

В подтверждение его состояний, из дальнего заречного леса вдруг коротко вскрикнула кукушка, которой вот уже 3 месяца как кричать не полагалось до будущей весны.

Тамара была горяча и ненасытна – не по возрасту, а по темпераменту.

Познав ее... точнее, отдавшись ей, он уже тогда усомнился в домашнем воспитании, ненавязчиво пытавшемся внушить мальчишке, будто связь до брака или вне брака порочна, а женщина в интимном деле лишь терпит, уступая домогательствам мужчины. То есть главная причина, побуждающая людей вступить в брак, является последней из всех и не должна приниматься во внимание.

К сожалению, он понял это всерьез слишком поздно.

Несчастливая Юрина избранница, будучи Рыбой по знаку Зодиака, рыбой была и в главной сфере, определяющей успех супружества.

Познав Тамару и растворившись в ней на целых 2 недели, Юра должен был искать себе спутницу жизни по потребностям своего темперамента. Но холодная связь с Наташей длилась уже 2 года и он не смог ее разорвать.

Сколько он ни пытался освободиться, на каких только женщин ни смотрел, как ни таял прямо на пляже от тела 2-й своей женщины, умелой и достаточно молодой Лидии, готовой проводить с ним ночь за ночью – все равно он хранил в себе память того дня, когда дрожащими руками впервые взялся за Наташины колготки. Опустил их до колен – и задохнулся. Не только от чудесного запаха, столь волнующего в эпоху *«до интимных стрижек»*, даже не от желания – от пронзившего его ощущения невыносимой красоты того места, которое ханжеская мораль христианских веков вынуждала женщин прятать от всех всю жизнь.

Вылупившийся утенок принимает за маму тот предмет, который первым окажется перед глазами, будь это хоть кошка, хоть просто большой кирпич, и пребывает в неведении до определенного возраста. Так и Юра Андрианов – увидев 1-м из всех последующих мощный интимный треугольник своей жены, оказался привязанным к ней дольше необходимого срока.

Это, видимо, и определило несчастливый ход всего последующего, поскольку выбор подходящей женщины для начала жизни определяет судьбу мужчины.

Сейчас о главной ошибке молодости оставалось лишь сказать *«увы»*.

Да и это говорить было без толку; Андрианов вспомнил все лишь по ассоциативной связи подступающего опьянения и старых красивых слов.

И невольно похвалил самого себя тех давних и уже не существующих лет.

Создав умозрительный образ – как показала потом жизнь Юрия Ивановича – Юра оказался точен в предвидении. Ведь тогда он был поэтом.

Был поэтом – то есть писал стихи, как было положено всякому чувствительному мальчику из приличной семьи, испытывшему первую в жизни любовь.

Любовь как сущность оказалась черноглазой евреечкой, носившей имя *«Ирочка»* и учившейся классом моложе. Все: и мальчишки и девчонки, не говоря об учителях – считали ее самой красивой девочкой школы №39.

У Ирочки была легкая фигурка с рюмочной талией, перехваченной поясом шерстяного платья в красную и черную клетку, длины как раз такой, чтобы наилучшим образом показать ее ровные икры при взгляде сзади.

Любовь как процесс процессом не стала.

Декольте у платья отсутствовало, хотя оно и могло обещать что-то серьезное, стоило лишь взглянуть на избранницу сбоку. Толстая ткань не проявляла деталей, прятала даже томительную застежку на Ирочкиной спине. Платье школьного стандарта ни разу не показало ее коленок – второго по значимости элемента в Юриной иерархии частей женского тела. Не стоило говорить о том, что юный поэт не осмелился коснуться пальцем ни одной из заманчивых

выпуклостей. Хотя обнимая ее на скамейке соседнего со школой квартала, вдыхал одуряющий аромат, текущий от свежего девичьего тела, и одуревал от явного плотского желания. А 1-я любовь, несомненно, это понимала, но делала вид, что ей все нипочем. Сидела рядом, невинно закинув ногу на ногу, и покачивала перед его глазами желтой кожаной туфелькой с кожаным же зеленым листочком на носке. Ни одного серьезного поцелуя влюбленный поэт тоже не сорвал: очаровательная девятиклассница умела увернуться с ловкостью кошки и подставить в лучшем случае ухо.

Сейчас Ирочка, не уехав ни в Израиль, ни хотя бы в США, считалась замужем вторым или даже 3-м браком, звалась Ириной Львовной и на нее было страшно смотреть хоть со сзади, хоть спереди, хоть сбоку. Причем наверняка без шерстяного платья стало бы еще страшнее.

А влюбленный мальчик Юра поэтом не стал.

Кем же он стал, Юрий не Алексеевич Андрианов?

По сути дела никем. Точнее, был бог знает кем и занимался черт знает чем.

Конечно, занимался не без результатов.

Знакомые Юрия Ивановича, оценив вектор его жизненных интересов, могли бы выразиться почти уничтожающе.

Он шел по жизни от женщины к женщине, как от маяка к маяку.

Женщины были его всем. Они виделись единственным смыслом его существования. Без них он не мыслился никому из окружающих.

Но строгость оценок была бы обусловлена тем, на самом деле никто никогда не знал Андрианова с достаточной глубиной; при всей внешней простоте он никогда ни перед кем не раскрывался до конца.

Женщины самоцелью не являлись.

По большому счету, он все годы искал одну, всего одну, единственную.

Такую, для которой стал бы смыслом жизни до конца этой самой жизни.

Во всяком случае, именно такой он априорно видел Наташу, которая ожиданий не оправдала. Жене от него требовались лишь дети, сам он интересовал ее во вторую, если не в третью, после тещи, очередь... Вероятно, такое позиционирование собственного мужа было оптимальным для поддержания крепкой, надежной ячейки общества, служащей для продолжения рода человеческого.

Но Андрианову, помимо просто крепкой – еще советской! – семьи, требовалось и еще что-то...

Он мечтал о страсти. Поглощающей, всепожирающей, иссушающей до дна.

Каковая могла иметь место даже в очень крепкой семье, о чем говорили хотя бы нынешние любительские ролики мужа и жены, даже трижды беременной. Несрежиссированные, снятые фиксированной камерой, с лицами за кадром, без звука – без слов говорящие о взаимной страсти соединяющихся тел.

Увы, желаемого с первого раза не выпало.

А 2-го серьезного не было вообще, единственной он не нашел.

Хотя искал, пробовал и менял.

При этом пил, ел и говорил сам себе, что таким образом радуется жизни.

И доменялся, допил, доел и дорадовался до нынешнего состояния – этого одинокого, хоть и запланированно эпохального дня рождения.

Впрочем, дни рождения никогда... ну, по крайней мере с некоего осознанного возраста – не несли Андрианову ничего кроме мыслей о жизни. И мысли эти, как правило, оказывались безрадостными.

А что касалось одиночества как категории...

Так уж сложилась судьба, что не имелось у него людей, которые в последние времена именовались «друзьями»... Где «дружба» означала совместное распитие чего-то рекламируемого под футбольные выкрики телевизора.

Для такого занятия люди находились всегда – особенно в годы, когда сам он был и при непрерывно сменяющихся автомобилях и при постоянно имеющихся деньгах – но о друзьях в настоящем смысле слова говорить не приходилось никогда.

Окончив школу, Юра уехал учиться в Ленинград, пожил там студентом Юрием, вернулся инженером Юрием Ивановичем.

Вернулся в родной город невесть зачем, хотя мог остаться на Невских берегах, поскольку ростом и внешностью его бог не обделил, а среди подруг-ленинградок было достаточно таких, которые не отвергали возможность иногороднего мужа.

Стоило вспомнить хотя бы одну из них – Ирину.

Имя всплыло вопреки его намерениям.

Высокая, длинная и узкая, она обладала внешностью пестрой зубатки. С нею был связан очередной этап познания женских тонкостей. Он заключался в 10-минутном слепом поиске на спине – под непрерывный и почти обидный смех. Отсмеявшись, Ирина сообщила искателю, что бельгийские бюстгальтеры имеют застежку не сзади, а спереди. В 21-м веке никого бы не удивило изделие для поддержки бюста даже с крючками сбоку, но тогда плоский замок между чашечек потряс провинциального студента.

Хотя, расстегнув футуристическое изделие, он о том пожалел; неоправдавшиеся ожидания разочаровали, даром что Ирина оказалась всего 3-м существом женского пола, увиденным им натурально. Не исправила результат даже выпитая вдвоем, быстро и без рюмок, бутылка «КВВК», извлеченная из закровов Иринино отца. Внешние признаки млекопитающего были для Юры главными, женщина с невыразительной грудью женщиной ему не казалась.

Вероятно, по той причине зубастая Ирина, оказавшаяся девственницей, ею так и осталась после целой ночи попыток разного рода.

В прошлом году, шарясь в Интернете с непонятной целью, он нашел Ирину на сайте одной из инженерных академий. Фамилия ее осталась прежней, из чего Андрианов сделал вывод о том, что не он один был непреклонен в оценке внешности своей недолгой подруги – теперь принявшей вид зубатки классической, черной. Хотя деловой пиджак на поясной фотографии выпячивался в нужных местах и говорил, что природа профессору до конца не обделила, только размышляла слишком долго.

Но ошибки ранней молодости казалось смешным обсуждать даже мысленно.

В результате Андрианов и оставил сокурсников и успел оторваться от одноклассников – так всю жизнь просидел между стульями.

И, наверное, естественным было то, что сейчас, ощутив внезапную потребность подумать о прошедшей жизни и припомнить хоть что-то светлое, вспоминал он только всех прошедших через него женщин.

Ведь по всему выходило так, что, кроме женщин, ему нечего было вспомнить.

Так оно и было, в том не оставалось сомнений.

Имей Юрий Иванович нормальную семью с настоящими проблемами...

Ощущай он себя в интересной работе, занимал достойную возраста и способностей должность, наполнявшую каждую минуту бытия заботами о других людях, о ком никто иной не мог позаботиться...

Существуй в его жизни хотя бы 1 близкий человек, занимающий мысли...

В конце концов, не брось мальчик Юра писать стихи, увлекавшие в юности...

Да если бы он просто был здоровым пожилым мужчиной, а не полуслепым инвалидом, которому осталось лишь вспоминать!

Правда, особо светлыми эти воспоминания назваться не могли.

Как в принципе не могли быть светлыми думы о том, что ушло и никогда не вернется.

Пчела-плотник гудела за спиной, но он не обернулся, зная, что все равно не увидит ее единственным нынешним глазом. И, кроме того, мысль о пчеле вызвала не очень приятные воспоминания.

Точнее, воскресила ненужные детали из детства.

Андрианов вздохнул, посмотрел в расплывчатую даль.

Река темнела где-то за железной дорогой, он это знал – как помнил и то, что в прежние годы по ней иногда ходили лодки под почти белыми парусами, такими странными в этих убогих сельских краях.

Он вылил в себя вторую рюмку.

Сразу всю, опять задержав дыхание и сделав один большой глоток, чтобы не выплюнуть мерзость, поименованную родным коньяком.

И нехстати подумав об оставшемся в прошлом веке лучшем коньяке его жизни.

Не коньяке, о *«советском бренди»*, поскольку предназначался он для экспорта и попал на внутренний рынок, в *«стол заказов»* на Старо-Невском проспекте Ленинграда, лишь по причине брака упаковки. Из-за *«бескозырки»*, лишенной язычка для вскрытия, поскольку ни один иностранец не смог бы догадаться, что алюминиевую крышку всегда легче сорвать, пробив первым попавшимся острым предметом. Хоть отверткой: плоской, крестообразной или *«французской»*, для трехшлицевого винта.

Тот коньяк – имевший класс лишь трехзвездного *«старшего лейтенанта»* – можно было пить, пить и пить, а от этого – как бы марочного – уже подступала тошнота.

Андрианов закрыл глаза и тут же вспомнил, как в 1993 году за этим же столом визави сидела женщина по имени Раиса.

Сидела напротив и разливала по этим же рюмкам спирт *«Рояль»*. Продававшийся чуть ли не по школьным буфетам в пластиковых бутылках, он казался запредельной гадостью, но в сравнении с нынешним спиртным был лучше, чем водка *«Абсолют»*.

У Раисы были зеленые глаза с черными крапинками вокруг зрачков, а содержимое ее декольте...

Он заставил себя больше не вспоминать телесных подробностей, достаточным было и то, что к нему пошли имена.

Пчела пролетела мимо него еще раз.

Она явно хотела переключить мысли Юрия Ивановича на что-то другое.

Еще более печальное.

Андрианов стиснул виски ладонями.

Так, что заболели оба глаза, в последнее время отзывающиеся почти на все.

Но ничто не могло помешать ненужным воспоминаниям.

В детские годы, невинные своей жестокостью, он собирал коллекцию насекомых.

Имел несколько плоских коробок из-под ленинградских конфет «Ассорти» с приклеенным на дно гофрированным картоном от электролампочек, хорошо державшим разнокалиберные энтомологические булавки с разнообразными жертвами. Пойманными, умерщвленными с помощью подаренного маминной подругой-врачом эфира, распятыми на пенопластовой сушилке и наконец наколотыми для хранения с этикетками, составленными по всем правилам.

Чешуекрылые – то есть бабочки – хранились в одной коробке, жесткокрылые – жуки – во второй, полужесткокрылые – травяные и водяные клопы – в третьей...

Он привык так делать. И почти так в последующей жизни Юрий Иванович собирал женщин.

Правда, не сознательно – двигаясь вперед желанием найти единственную и остановиться, жить спокойной и счастливой жизнью. Но счастье всякий раз оказывалось эфемерным, а покой редко длился дольше 3-5 встреч, и в итоге он невольно превратился в собирателя.

Коллекционера женских тел.

Хотя на самом деле при каждом разочаровании Андрианов страдал так, будто от него отрезали кусочек жизни. Да и женщины из позднейших пассий сами были собирательницами, и не он накалывал их на свою булавку, а они – его на свои.

Но со стороны все выглядело не так.

Еще в Ленинграде, в студенческие времена конца 70-х, один развращенный до кончиков усов Юрин сокурсник – своего рода реинкарнация поручика Ржевского, какие находились всегда и везде – рассказывал такие вещи, что даже сейчас в них стоило усомниться. Утверждал, будто на гнилом Западе выпускаются коллекционные альбомы типа кляссеров для почтовых марок, только большого формата и с карманами вместо узких полосок. Из прочного пластика, с герметичными клапанами. Именно герметичными, поскольку альбомы предназначались для коллекции женских трусиков – не магазинных образцов, а снятых с тела и предполагающих сохранение запаха. Юра не сильно верил рассказам похотливого приятеля, но снимать трусики хотелось и ему.

До альбомов, конечно, он не дошел. Но, имея ненужно крепкую память, всю жизнь хранил имена всех женщин и все подробности, их касающиеся.

И однажды, уже на излете мужской карьеры, хоть еще и не упав на дно последних лет, решил зафиксировать все, что сторонний наблюдатель именовал бы списком побед, хотя на самом деле было списком поражений.

Не просто вспомнить, а систематизировать. Сначала записать имена в хронологической последовательности, потом разнести их по нескольким таблицам, рассортировав по степеням овладения, а в строчках показать детали с помощью разных цветов, позволяющих сразу оценить общую картину.

Пчела гудела вдалеке за спиной.

Она летала над самой большой и ровной террасой его участка, лежащей перед домом под общим проездом.

На нее хозяйственным отцом Андрианова был когда-то завезен настоящий чернозем, целый грузовик, купленный незаконным путем в городском зелентресте. Края террасы были оформлены и как следует укреплены, земля держалась по-настоящему, задерживала всерьез, ей были не страшны ни дожди, ни таяние снега, всегда смывающего с собою под гору все, что было возможным.

Соседи Юрия Ивановича, по сантиметру отмерявшие свои грядки для корнеплодов, буквально мочились кипятком, проходя мимо его участка и глядя, каким образом он использует целую «сотку» – ровную и солнечную, на которой можно было сеять морковь, свеклу или тыквы, которые вызревали до слоновой величины и наводили мысли о сомнительном американском празднике «Хэллоуина». А он, не обращая внимания ни на кого, превратил эту террасу в кусочек обычного дикого луга, на котором все лето цвели какие-то цветы.

И особенно любил июль, когда вся эта терраса – остроумно поименованная одним его приятелем, этническим немцем, «Адольф-Гитлер-плац» в противовес всем навозным ухабам, что громоздились на участках слева и справа – покрывалась желтовато-белой пеной лабазника.

Над зеленой травой колыхались душистые султаны и, привлеченные неземным ароматом, сюда слетались насекомые со всей округи и, возможно, даже из-за реки. Жужжали пчелы, прилетавшие с чье-то дальней пасеки, порхали бабочки капустницы, боярышницы, крапивницы и порой даже павлиньего глаза – не говоря уж о маленьких, вспыхивающих синим голубянкам – стояли в воздухе мухи-журчалки. И над всем этим буйством естественной жизни с легким треском парили, толчками перемещаясь с места на место, хищные глазастые стрекозы, которых привлекали все, желавшие полакомиться нектаром.

Сейчас луг потускнел и потемнел, только кое-где торчали кустики отцветающего желтого и белого донника, да под самой дорожкой тихо покачивалась вездесущая сныть.

Ее полукруглые соцветия когда-то казались Андрианову чашечками белых бюстгалтеров, беспечно раскиданных по траве чьей-то легкой рукой.

Ему стало просто смешно; весь окружающий мир в свое время ассоциировался у него с чем-то, касающимся женщин.

Юрий Иванович вздохнул.

И почему-то вспомнил первые дни и недели своего недолго счастливого супружества. Не после бракосочетания, даже не в свадебном путешествии и не по возвращении из него. Через год или 2 после всего – когда, измученный бесконечными ссорами своей мамы с женой, тихо кипевшими даже в той огромной 4-комнатной квартире, где можно было жить, не пересекаясь и даже не видя друг друга, он решил проблему коренным образом. Надавил и разменял свою с рождения имевшуюся жилплощадь: они с женой переехали в новый окраинный район, мама осталась в центре – квартиру на улице Ленина удалось разделить с минимальными потерями уровня.

Там, в новом уютном – как ему казалось – гнездышке сам Андрианов пережил всплеск чувственности по отношению к жене.

Просыпался раньше нее, долго смотрел на ее непонятное лицо, откинув густые волосы неопределенного цвета. Потом осторожно откидывал одеяло, некоторое время наслаждался видом обнаженного, до судорог желанного тела. Не сдерживался, припадал к тому месту, которое когда-то сразило его наповал – жена просыпалась, отпихивала от себя его голову и сжимала

бедра, она была брезглива даже по отношению к самой себе. Он падал рядом с нею, притягивал ее к себе – она, не проснувшись до конца, приподнималась на локте, обдавала утренним запахом, трогала его грудь своим соском, мягким и безразличным ко всему. Он снова переворачивался, опрокидывал ее на спину, набрасывался с мягким упорством – жена лениво сопротивлялась, не сразу раздвигала теплые ноги: ей хотелось спать, ей не требовалось ничего такого.

Радовал ее, пожалуй, лишь кофе, неизменно приносимый в постель после быстрого, но насыщающего акта его удовлетворения. Кофе делался не в нынешней домашней машине «эспрессо» – о таких в 80-е годы никто и не думал – и не в предшествующей ей капельной. В пользовании имелась пришедшая на смену медной джезве пластиковая кофеварка с плоским нагревателем на дне, в которой неплохо получался кофе с корицей, какой жена любила больше всех остальных вариантов.

Близость с мужем ей была нужна лишь в «опасные» дни, 10 раз в месяц; в остальное время она желаний не испытывала, а уступив, раскрывала тело, так и не желавшее ничего. Жена хотела лишь поскорее забеременеть, а Андрианов того не хотел. Ну не совсем, конечно, не хотел: как любой нормальный мужчина, в детях он видел лишь необходимое зло, с которым рано или поздно приходилось мириться, но все-таки лучше позже, чем раньше. Он не насытился женщиной сам... и наивно полагал, что сумеет разбудить в жене ответ.

Хотя ответа не стоило ждать почти сразу.

Поженились Юра и Наташа зимой, а 1-м летом их брака, через полгода семейной жизни все уже пошло как-то не так.

Он был молодым специалистом, имеющим отпуск осенью и колхоз – летом, а она работала школьной учительницей и оказалась свободной.

Но вместо того, чтобы это время отдать молодому мужу, жить с ним рядом, одеваясь лишь для выхода из дому: благо Андриановская мама, тоже преподаватель, но университетский, на все лето уехала отдыхать в любимый город Пярну Эстонской ССР – уехала из города сама.

Точнее, уплыла на пароходе, по Каме и Волге до Астрахани и обратно, на полтора месяца. Со своей матерью и еще какими-то женщинами с тещиной работы.

А он так страдал от Наташиного отсутствия, что – никогда не быв в армии – завел себе «дембельский» календарь, в котором отмечал каждый прожитый день, отделяющий его от заветного дня ее возвращения. Ставил крестики, поскольку каждый день, прожитый без жены, стоило именно вычеркнуть из жизни.

Жена вернулась счастливой и посвежевшей; между широкими лентами над обрезом ее цветастого сарафана ключицы ее сияли, как свежее яблоко – перерезанное не только что, успевшее покрыться легкой ржавчиной загара. Встретив ее в речном порту, всю дорогу он трясся от желания, сорвал этот сарафан и добрался к яблокам, не успевшим загореть, прямо в прихожей. Посадил жену на тумбочку для перчаток, схватился за ее бархатистые колени, пытался проглотить ее грудь, а она отбивалась и пыталась прыгнуть, говорила, что хочет вымыться и спать.

Сейчас вспоминать о том в свете слишком поздно пришедшего понимания было донельзя больно.

Стоило лучше вернуться к мыслям о том самом списке, сорвать целую лавину женщин, прошедших через его жизнь.

Их было больше, чем достаточно, а выпитый коньяк развязал все узелки памяти.

Он уже не хотел сопротивляться хлынувшему потоку имен.

Систему стоило создать хотя бы для того, чтобы увековечить – пусть и неизвестно с какой целью – одну из них, 30-летнюю Оксану.

Она была бледной, как спирохета, и такой же въедливой. Ходила обычно черт знает в чем, но когда однажды, уже трудно сказать по какой причине, Юрий Иванович пригласил ее к себе домой, и всего лишь увидел ее бедра, когда она снимала в передней сапоги, то понял, что умрет, если не будет ею обладать.

Желание обладать не угасло и после того, как остались где-то в стороне и старомодное бордовое платье и белая вязаная комбинация, каких никто не носил в последней четверти XX века. Не охладил его пыл упрямый бюстик 1-го номера с жесткими темно-красными глазками – который хотелось потрогать 1 раз и тут же о нем забыть.

Не остановила Андрианова даже внезапно, в самый последний момент, обнаружившаяся девственность обладательницы чудесных бедер – не остановила 2 раза подряд за полчаса.

Впрочем, девственницей Оксана так и осталась, несмотря на то, что их связь – то прерываемая самозарождающимися ссорами, то возобновляемая до уровня соитий у компьютерного стола на ее работе посреди бела дня – длилась почти 10 лет.

Это не было противоестественным, девственной осталась и та сама Ирина-зубатка, и Розалия, которую он пытался познать лет за 10 до Оксаны. Но сравниться с этой не могла ни одна другая.

И из-за своей нереализованности в качестве просто женщины Оксана поднялась на такие высоты разврата, что Юрия Ивановича до сих пор передергивало от воспоминаний о жидкости, которую добавляла эта старая дева в свой любимый сухой «*мартини*». Не в постели, где фиолетовый угар и ему гнал мысли, от которых потом становилось дурно – за столом с неизменным «*Раффайлло*». Уже причесавшись, умывшись и даже полностью остыв. Слегка замерзнув, укутав белое тело в его красно-кремовый полосатый банный халат, но не собираясь идти в душ и одеваться, потому что после непотребного коктейля ее с удвоенной силой тянуло обратно в постель.

Оксану следовало описать со всеми деталями, вплоть до жестких черных волосков, которые росли у нее не там, где следовало.

Разумеется, задуманного Андрианов не реализовал; запущенная терраса за домом без слов говорила о том, что большинство своих затей он всю жизнь бросал недоделанными.

Дедовы гены гуляли в нем не только по части выпивки, но и в вопросах чисто хозяйственных.

Он лишь составил общий список имен и прикинул, что все нужно разбить ровно на 4 категории.

Достижения не нашли конечного обобщения.

Хотя место той сущности в иерархии ценностей Юрия Ивановича и само его отношение к противоположному полу можно было определить всего одним фактом.

В списке не нашлось ни одной женщины, ставшей женщиной его усилиями.

Ни Оксана, ни Ирина, ни Розалия, ни Аделя, ни башкирка Раушания, ни 1 другая из немалого числа не могла бы его упрекнуть.

Он не брезговал, не боялся ответственности, не предвидел психологических привязанностей к первому мужчине.

Просто был органически неспособен причинить женщине боль.

Даже кратковременную, даже необходимую перед входом в мир высшего блаженства и являющуюся благом.

И тем кардинально отличался от одного своего сокурсника – брутального бородача, свое отношение к женщинам выражавшего фразой о том, что «*любит вскрывать новые тубики зубной пасты*». Впрочем, слова «*брутальный*» на рубеже 80-х годов прошлого века в русском обиходе не было; этого альфа-самца с по-бычьим выпуклыми глупыми глазами Андрианов аттестовал просто: «*ходячий...*», прибавляя к эпитету слово из трех букв.

А попытка Юрия Ивановича упорядочить память чувственных опытов была естественной для мужчины на закате жизни.

Не имелось ничего извращенного в его недоделанной таблице; не вспоминал своих женщин на своем закате лишь тот, кто их не имел.

Или воспринимал сосудами для спуска избыточного давления, не запоминая ни деталей, ни имен, ни количества.

Задумывая мемуар – своего рода итог личной жизни – он следовал давним привычкам к систематизации всего имеющегося.

«Список Андрианова» имел бы внешнее оформление биологической коллекции и подспудные корни его уходили в детство, в коробки с бабочками и жуками, аккуратно надписанные по крышкам.

Вот эти коробки в самом деле были наборами мертвых тел.

Каждый отряд насекомых имел научное название, переведенное на русский язык с латыни. Кроме, пожалуй, стрекоз – которые именовались просто «*Стрекозами*» и доставляли юному собирателю много хлопот. Ведь почти невидимые крылышки стрелок – миниатюрных созданий, в полете напоминающих зеленые и синие спички, неведомой силой перемещаемые по воздуху – отваливались после высыхания. И для полноты коллекции Юре приходилось постоянно добывать себе новых: подкарауливать среди высокой травы, ловить с осторожностью, травить эфиром, расправлять на пенопласте, сушить и накалывать на ту же булавку со старой этикеткой – чтобы через несколько дней выбросить пересохшее бескрылое тельце... и снова ловить, снова травить и накалывать.

Перепончатокрылые, к которым относился фиолетовый плотник, занимали небольшую коробочку из-под «*Грильяжа в шоколаде*» московского производства, поскольку их удалось собрать совсем мало.

Приколотыми на место грильяжа были пара разных ос, пара пчел – большая домашняя и крошечная дикая – 1 мохнатый черно-оранжевый шмель и 1 красно-зеленый наездник не определенного вида, пойманный в момент, когда он занимался благородным делом, готовя медленную смерть толстой гусенице.

В саду часто появлялись шершни – стремительные осы 5-кратного размера – но вид этих страшных насекомых говорил, что они сумеют постоять за себя, их ловить Юра опасался.

Пчела-плотник казалась не менее страшной, но отличалась медлительностью. Появлялась она нечасто, неожиданно и ненадолго, однако после нескольких безуспешных недель он сумел выследить ее на флоксах, накрыть отцовской соломенной шляпой, затем вылить сверху полбутылки эфира, слушать медленно затихающее гудение, а только после этого достать драгоценную добычу. И смотреть, как могучая пчела сучит ножками, чтобы сразу по результату расправить прежде, чем та начнет подсыхать на жаре.

Тогда охота и убийство казались Андрианову естественным делом; тем же самым – на профессиональном уровне – веками занимались сотни энтомологов по всему свету.

Да и насекомые жили 1 лето.

Всего одно лето.

Правда, личинка стрекозы «*Большое коромысло*» – *Aeschna grandis* – развивалась под водой 3 года, дольше, чем человеческий детеныш в утробе матери...

Но сами стрекоза, жук или пчела не могли пережить даже первых осенних заморозков.

Цикл имаго – взрослых особей – продолжался несколько месяцев.

Юра укорачивал их жизни на какие-то дни или даже часы.
Не более того.

Но тогда было тогда, а сейчас было сейчас.

Сегодня само воспоминание о конвульсиях той единственной пойманной пчелы-плотника вызывало у Андрианова и отвращение и жалость и стыд за себя прежнего.

Тем более, что убивал он бессловесных тварей не ради хлеба насущного, а из дилетантского интереса. Именно дилетантского: без устали ловя и засушивая насекомых, Юра не заботился о мерах по их сохранности. И великолепную коллекцию его – повторяя вариант незадачливого героя эстонского романа – за одну зиму безвозвратно попортил музейный жук...

Прошли годы, мировосприятие несостоявшегося энтомолога изменилось коренным образом. Не просто коренным, а повернулось на 180 градусов.

Теперь любая – любая, хоть самая маленькая, короткая и никчемная – жизнь казалось ему самоценной. И он уже не понимал, как мог брать на себя роль бога, укорачивая ее хоть на несколько минут.

Во всяком случае, лет 6 назад на этой же террасе, где одна из так и не познанных женщин – донельзя практичная Светлана – варила варенье из только что собранной сакуры, он был занят делом.

Вылавливал из пахучей пены свалившихся туда ос, промывал чистой водой и выкладывал сушиться на карниз под окном.

Осы, кажется, были благодарны, потому что ни одна из спасаемых не пыталась его ужалить.

Но для понимания и восхождения потребовалось прожить долго. И ощутить наконец в себе даже не подспудное, а имманентное единение с природой...

Единение той глубины, какое имела выросшая на его глазах ель – имевшая метров 20 высоты и такой же длины конусообразный корень. Уходящий в землю невидимо, но держащий огромную крону так, что дерево стояло на самом краю террасы не боясь ни ветров, ни снега, ни оползней.

А вот у него, Юрия Ивановича Андрианова, корней не имелось.

Ни конусообразных, ни еще каких-то – или были когда-то, да рассосались бесследно, что теперь уже не имело значения.

Как не имело теперь значения ничего вообще.

Пчела смолкла; то ли на что-то села, то ли улетела за дом.

Андрианов налил 3-ю рюмку.

Коньяк пах уже не так мерзко.

Точнее, не пах совсем. Обоняние обладало замечательным свойством: через некоторое отключало любой запах, даже самый неприятный.

Иначе, будучи трезвым, он задохнулся бы от смрада соседских нужников, выстроенных слева и справа на межах и не промывавшихся с сотворения мира.

Эти соседи, городские внешне, остались деревенскими.

Деревня, косорылая, короткопалая и кривоногая российская деревня – сидящая на табуретках, поедающая ложками жареную картошку, трущая тарелки старым носком без понятия о посудомоечной машине и испражняющаяся в вонючую дырку при современной доступности биотуалетов – всю жизнь была сущностью, самой ненавидимой Юрием Ивановичем и более других ему досаждавшей.

Ненависть подчинялась III закону Ньютона: она была взаимной. Андрианов не замечал вокруг себя огородных обезьян в драных штанах, оно тихо гадило, выливая ночные горшки с дорожки на его луговую террасу. Это было, окружающее его по жизни, он бы скрутил в

бараний рог – но увы, всегда был в меньшинстве. Сам себе казался белой вороной, залетевшей в кучу свиней.

Но сейчас он не ощущал омерзительных миазмов, хотя запахи воспринимал с особой остротой.

Впрочем, в последние годы, почти утратив зрение, он обнаружил невероятное обострение остальных органов чувств, особенно слуха. Даже знакомых людей он узнавал прежде по звуку шагов и тембру голоса, а уж потом, подойдя вплотную, различал лица.

Он подумал о звуках – и тут же услышал слабый шорох.

Шуршание шло из-под ели – с узкой полоски между серыми бетонными плитами террасы и такими же, поставленными вертикально по краю для удержания осыпающейся земли.

В детские годы Юры Андрианова там росла обычная трава.

Позже на том месте Юрий Иванович несколько лет подряд безуспешно высаживал привезенные из леса сумрачные папоротники. Которые, выстроенные в ряд, сначала вроде бы принимались, на 2-й сезон начинали сохнуть через один, на 3-й исчезали полностью.

А еще позже на месте папоротников сами по себе разрослись откуда-то взявшиеся ландыши. И каждую весну радовали глаз своими серебряными звоночками, а душу – тонким ароматом.

Сейчас ландыши не только отцвели, но и высохли; под елью виднелись их серые скрученные листья, напоминающие шероховатые шкурки оберточной бумаги, среди которой расплывчато алели капельки ягод. А шелестела там ящерица – одна из тех динозавров, ради которых он пытался культивировать еще более древнее нецветковое растение.

Зная, что ничего не увидит, Юрий Иванович все-таки привстал – неловко взмахнул локтем, задел коньячную бутылку, громыхнул донышком по столу.

Шелест мгновенно смолк: ящерица замерла, притаилась среди ландышевых листьев, будто ее там не существовало. И намеревалась сидеть с неподражаемым терпением пресмыкающихся, таиться до тех пор, пока не решит, что иллюзорная опасность исчезла.

Андрианов знал повадки этих милых существ по прежней жизни, когда осторожно ловил их, держал на ладони, гладил шелковисто-бисерные теплые спинки и даже давал себя кусать.

У ящерицы были золотистые умные глаза и очень острые коготки на длинных гибких пальцах. Серая – точнее, песочно-коричневая с темными пятнышками – она идеально сливалась хоть с сухими листьями ландышей, хоть с голой замусоренной землей, хоть с качающимися стеблями травы, между которых могла пробираться, изгибаясь с неподражаемой грацией.

Пол ее определил бы только дипломированный герпетолог. Лишь весной самцы приобретали малахитовую расцветку, чтобы привлекать к себе сереньких самочек. Сейчас они снова сделались такими же неприметными, хотя многим предстояло перезимовать в глубоких норках-дырочках, чтобы весной снова налиться зеленью во славу любви, без которой не мыслилась сама жизнь.

Та жизнь, которая теперь казалась Андрианову бесценной.

Каковой и была любая жизнь, кроме его собственной.

Ящерица сидела тихо-тихо.

Он посмотрел на готовую рюмку.

Закусывать уже не хотелось, хмель свободно плясал вверх и вниз и слева направо в его невесомом теле.

Когда собственная жизнь Юрия Ивановича обесценилась в его глазах?

Да и была ли она ценной хоть когда-нибудь?

Наверное, все-таки была.

Когда-то давно.

Когда еще оставались живы родители? когда он собирал насекомых? писал стихи? учился в Ленинграде? влюблялся? строил планы на счастливую жизнь с женой, имея работу и уверенность в нынешнем дне, и даже перспективы в стране победившего социализма? или когда уже позже, переживая недолгий взлет в стране побеждающего капитализма эпохи первоначального накопления, менял работы и машины?

И женщин, хотя на самом деле меняли его самого?

Наверное, и тогда и тогда и тогда... но не сейчас, даже не в последние десятилетия.

Была ценной эта жизнь до тех пор, пока что-то не переключилось в самом окружающем мире и каждый день не стал нести одни потери.

Не всегда слишком серьезные, порой почти не ощутимые, но – ежедневные, постепенно накапливающиеся своей тяжестью.

1-й, главной казалась потеря семьи. Уход жены и разрыв отношений, которые между ними все-таки были.

Хотя к этому разрыву все шло несколько лет и факт окончательного расставания даже казался очередным избавлением от высасывающей душу неустойчивой ежедневности. Той самой не насыщенной потребности во взаимной страсти, которую не могли компенсировать ни хозяйственные заботы жены, ни ее кулинарный талант, ни даже все-таки захватившая его ненадолго безоглядная отцовская любовь к дочери, растворение в новом живом существе.

В самом деле, когда родилась дочь, он ощутил некий подъем, как-то разрешился доселе неразрешимый конфликт. Жена получила свое, единственно желаемое в браке, и он по-глупому надеялся, что и сам их брак пойдет по-новому. Так, как хотелось бы ему.

Ведь, все еще витая в плену химер, созданных домашним воспитанием. Юрий Иванович полагал, будто появление ребенка укрепляет брак.

На самом-то деле ребенок не мог ничего укрепить, мог лишь разрушить имевшееся.

Но тогда он того не понимал и верил в чудо.

К тому же в обществе начались перемены, кажущиеся возможности всасывали в черные воронки иллюзорных бесперспективных перспектив.

Он пенился в ежедневных поисках чего-то нового, сулящего желаемый душевный покой.

Искал новые сферы приложения своих сил – после того, как в сливной водоворот «перестройки» канул НИИ, где работал по распределению, Юрий Андрианов непрерывно менял места работы.

Стремился в разные сферы, прикладывал свои немалые силы везде, где мог.

Он словно не видел, что 21-й век был веком рабов, покупаемых за арбузную корку для решения одномоментных задач – эпохой, когда человек, нанимаемый на работу, оказывался одноразовым шприцом, выбрасываемым по быстрому использованию. Одних только официальных записей в трудовой книжке Юрий Иванович имел 33, и лишь несколько первых касались карьерного роста.

Хотя, конечно, истины ради нельзя было не вспомнить, что временами ему перепали и крошки пряника; одних только автомобилей Андрианов за свою жизнь сменил 13 штук: сначала то были привычные для 90-х годов убитые «памойки» иностранного производства, потом он покупал только новые, непрерывно находясь под бременем автокредита.

Ну, и конечно, такой внешний антураж неизменно помогал ему в поиске новых и новых женщин.

До определенного момента жизни ему самому такая жизнь виделась прекрасной.

Прозрел он слишком поздно.

Прозрел мысленно, лишь когда ослеп физически, и теперь рассмотрел свое прошлое реально.

Все казалось поднимающимся ввысь, но на самом деле было бегом вверх по спускающемуся эскалатору – эта юношеская забава была нередкой в студенческие годы Юры Андрианова.

Похваляясь перед глупыми девчонками, еще более глупые парни в ночном ленинградском метро развлекались тем, что запрыгивали на эскалатор, идущий сверху вниз. И боролись с бегущими навстречу ступеньками столь успешно, что кое-кому удавалось не только добраться до верха, но даже выскочить в пустынный вестибюль раньше ногастых подружек, поднимавшихся по-человечески. Правда, получалось это только на станциях неглубокого залегания, имевших на эскалаторных балюстрадах не более 9-10 светильников: именно по ним, стоящим через стандартные интервалы, будущие инженеры оценивали глубину. На приповерхностных вроде «*Гостиного двора*», но никогда – на одной из правобережных, забытого сейчас названия, имевшей 32 лампы в фигурных плафонах образца 50-х годов. Как бы ни старался соискатель, сколь быстро ни подтягивался бы на лентах поручней, на какую бы высоту ни успел взбежать из бездны – все равно в определенный момент эскалатор начинал брать верх... то есть низ. И бегуну оставалось лишь сесть на ступеньки и отдышаться, пока опускающаяся лестница доставляет обратно в пахнущую резиной преисподнюю. А потом отдохнуть уже стоя на поднимающейся – чтобы не в самом жалком виде предстать перед своей девчонкой.

Успевшей к тому времени не только выбраться на поверхность, но и купить мороженое у какого-нибудь припозднившегося лоточника.

Так и он, Юрий Иванович Андрианов – всю 1-ю декаду нынешнего века бежал вверх по ступенькам, которые двигались вниз.

До тех пор, пока у него не иссякли силы – а эскалатор крутился электричеством и не знал усталости.

Опустил до дна и выбросил его на нынешнюю покосившуюся от времени террасу умирающего сада.

Но когда начался этот спуск?

Андрианов уже сам не мог дать отчет даже себе; в памяти сидел лишь 1 день.

Последний перед тем, как он полностью смирился, сел на ступеньку и закрыл лицо руками.

Третья рюмка подняла его в такие эмпиреи, каких бы 10 лет назад не дала 3-я бутылка.

Хотя это не было странным, в те годы он пил профессионально – почти как дед – а сегодня приложился к коньяку даже не любительски, а по-юниорски, спустя перерыв длительностью больше года.

Точнее, он не пил 1 год, 3 месяца и 12 дней.

Обозначив в уме срок, Андрианов вслух усмехнулся.

Видимо, все-таки он еще не напился всерьез, если не только помнил сегодняшнее число, свой богом прОклятый день рождения, но даже сумел точно сосчитать дни, отделявшие его от последней рюмки.

Впрочем, дни – кроме женщин, автомобилей, оставшихся рюмок водки – были одной из немногих сущностей, которые он умел правильно считать.

О чем свидетельствовал последний эпизод его жизни: 3 года частного... то есть по терминологии позднейших времен, индивидуального предпринимательства.

Те годы перед окончательным крахом Андрианову сейчас вспоминать не хотелось.

Но перед глазами его маячил ровный и прямой ствол ели – не выросшей в землю нижними ветвями, как бывало в Ленобласти, а по-скандинавски голой метра на 2 от земли.

Такие же длинные, гладкие и невероятно ровные по всей длине ноги – своим совершенством компенсировавшие даже почти полное отсутствие бюста – имела женщина, чье имя начиналось одну из последних букв алфавита. Саму эту букву, не говоря уж об имени, вспоминать ему не хотелось, несмотря на то, что он его помнил не хуже, чем все остальные.

Несмотря на то, что она не попадала ни на одну страницу его «списка»; он с удовольствием бы вычеркнул ее из жизни полностью. Но, к сожалению, вычеркнуть он не мог, поскольку эта *** по существу сама зачеркнула его жизнь,

Она была партнершей по бизнесу, вложившей некоторые деньги в магазин медицинских изделий, которым Юрий Иванович – для нее просто Юрочка – управлял. Уволившись для того с наконец найденного – чудом в возрасте 52! – приличного места работы: относительно спокойного, очень надежного и с должными пенсионными отчислениями при «белой» зарплате.

И попутно продав для развития бизнеса давно освободившуюся половину еще в прошлом веке разменянной квартиры, которую все эти годы зачем-то держал про запас, так и не собравшись отремонтировать и сдавать внаем.

Кроме двухметровых ног и почти лошадиной гривы волос, у 38-летней женщины имелись 3 или 4 почти одинаковых синих платья чуть длиннее трусов, 2-е несчастных детей – сын с дочерью – и муж, врач-анестезиолог.

Впрочем «*мужем*» этот мужчина, 40 с чем-то лет и ростом в 1 метр 54 сантиметра, мог называться с большой долей условности: он носил обтягивающие джинсы, всерьез читал «*Гарри Поттера*» и изменял длинноногой матери своих детей с каждой более длинноногой девочкой. Ведь в совершенстве ног границ не существовало.

Приходя в магазин, заняв половину торгового зала великолепными ногами в колготках таких цвета и качества, что они казались более голыми, чем если бы были в самом деле голые, она говорила одни и те же слова.

Что он – ее единственный свет и надежда и спасение. Именно спасение, потому что «*раскручивает*» дело и вытаскивает ее из финансовой ямы, в которую скинул муж, спускавший все деньги на девок и не заботящийся о детях. Что только он дает ей возможность кормить семью не одной китайской лапшой, со всеми остальными подробностями, которые всякий становились подробнее.

Юрочка размякал, а партнерша перекладывала свои бедра-брусья так, что у него захватывало дух и он без нужды отправлял на себе белый халат, томимый надеждами.

А надежды витали в воздухе: однажды перед уходом – дождавшись минуты, когда некрасивая женщина-продавец стриженная под мальчика, отойдет к дальней витрине – эта *** зашла в примерочную кабину подтянуть колготки. И сделала это, задернув шторку не до конца.

Теперь Юрий Иванович, видевший в жизни сотни ног, на которых колготки подтягивали и с которых их стягивали, не мог понять, почему по-мальчишески дрогнуло внутри, когда он увидел все и смотрел 3 секунды на ее задранное синее платье и мелькающие кремовые брусья прежде, чем отвернуться.

Видимо, в нем именно к тому дню скопилось напряжение от недостатка женщин при избытке водки, и ненужная искра пробила изоляцию разума.

Или в этом, по-медицински унылом помещении ударным оказался подсмотренный блеск живых женских ног, родивший ненужную реакцию. Подобно тому, как в зимнем маршрутном такси, заполненном женщинами в джинсах и пуховых брюках, все мужские взгляды направлены в сторону одной, сидящей с коленками в капроне, даже если эти коленки не представляют собой ничего замечательного.

Во всяком случае, уже глядя в сторону, на висящий у кассовой стойки рекламный плакат, изображающий – хоть и в профиль с сильно распущенными волосами – беременную женщину, одетую лишь в компрессионные колготки «*Sigvaris*» бежевого цвета, он вдруг подумал, что почему бы не...

Кобыла в синем платье наверняка увидела краем глаза, что он кое-что видел – или, скорее всего, просто ощутила его ненужное состояние чутьем коварной женщины.

Довершая эффект, в тот день она поцеловала его на прощание. И он в ответ поцеловал ей руку, как делал любой интеллигентный человек, возмужавший в Ленинграде, а не среди тех обезьяньих рож, которые окружали его на «*малой родине*» и в детстве и – особенно! – в старости.

А потом целовал всякий раз и отмечал, что пальцы убираются из-под его губ все медленнее.

Юру-Юрочку не волновало, что при оформлении предприятия даже им были замечены какие-то несостыковки, могущие вести к последующим разночтениям при попытке разграничить права. Ничего разграничивать он не собирался, но мечтал лишь рано или поздно и ощутить эти ноги у себя на плечах без всяких колготок.

Спустя 4 года Юрий Иванович не мог понять, чем его так околдовала эта женщина, что особенного могла дать она ему, познавшему все, что было можно и даже чего не стоило вовсе.

Даже ноги точно такие же при наверняка таком же бюсте имела одна из его Ольг – ничем не выразительная кроме своих слов о «*его руках, делавших все как надо*».

Но тогда все происходило именно так, на него нашло какое-то чувственное затмение.

О том, что муж, в самом деле изменяя, оставался главой семьи и опорой дома, а сын учится в Англии, Юрочка узнал слишком поздно. Конкретно – когда оказался не у дел при развитии до всех высот магазине, переоформленном на похотливого анестезиолога, и без товара, принятого в зачет непонятных недостач, обнаруженный супругами при инвентаризации.

Ведь считать деньги он так и не научился.

Андрианов посмотрел на бутылку; в ней оставалось еще достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.